

П

од впечатлением фронтовой встречи в свое время писатель Борис Полевой создал убедительный художественный образ легендарного советского летчика Алексея Маресьева. Этот образ поразил многомиллионную читательскую аудиторию после публикации «Повести о настоящем человеке» в журнале «Октябрь» в 1946 году. Интерес вырос после нескольких изданий произведения отдельной книгой, а также театральных постановок. Экранизация повести принесла всеобщую славу мужественному летчику. «Повесть о настоящем человеке» вошла в программу школьного обучения.

Между тем многие черты биографии Алексея Петровича Маресьева были изменены. Во избежание упреков Полевой назвал произведение повестью (т.е. поместил историю летчика в контекст художественного жанра) и изменил вторую букву в фамилии героя — Мересьев. Это обусловило допустимость авторского вымысла.

Однако читательская аудитория хотела узнать побольше именно о ставшем знаменитым пилоте, об истоках его подвига и реальных ситуациях, в которых Маресьев достойно себя проявлял. Отважному летчику были посвящены многочисленные публикации в газетах и журналах, о нем издавались воспоминания и снимались документальные фильмы. Тем не менее все это было фрагментарным, мозаичным — не получалась целостная картина бытия и ратного подвига героя.

Писатель и публицист Николай Карташов решил воссоздать жизнеописание мужественного летчика на документальной основе. У него уже есть опыт подобного рода: ранее он выпустил книги «Станкевич», «Крамской», «Ватутин» в популярной серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». В этой же серии недавно вышло и повествование «Маресьев»¹.

По сути, это единственная на сегодня полная биография человека-легенды. Она написана на основе воспоминаний самого Маресьева, его земляков, военачальников, однополчан, родственников и коллег по работе. Впервые представлены читателю материалы, которые Карташов разыскал в Центральном архиве Министерства обороны РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном архиве военно-медицинских документов — филиале Центрального архива Министерства обороны.

Вместе с автором проследуем по некоторым вехам жизни Маресьева, вернемся в его детство, когда формируется чувство чести и долга.

Подростка Алексея поразил пролетевший над головой самолет, и он объявил сверстникам: «Пойду учиться на летчика». Друзья возразили: «Тебя же по здоровью комиссия забракует». — «Знаю, но все равно своего добьюсь», — проявил характер паренек.

Карташов выяснил: «Действительно, у Алексея не все было ладно со здоровьем. В раннем детстве он переболел очень тяжелой формой малярии. И с тех пор нередко маялся от последствий этой страшной инфекционной болезни: сильно болели суставы, тело хватало дикие судороги. Малярия оставила недобрый след и на лице... Случалось, что болезнь особенно жестоко поступала с Алексеем. Несколько раз одноклассники приносили его на руках из школы домой, так как ноги не могли идти...»

И что же? Мечта о небе все-таки не покидала его с тех пор. Пока не вышел возрастом, учился на токаря, стал мотористом, комсомольским вожаком. Живой отклик нашел в душе Алексея призыв ЦК ВЛКСМ «Комсомолец — на самолет!» В 1931 году было принято решение взять шефство над Военно-воздушными силами Красной Армии. Книга воссоздает эпизод, когда юный Маресьев предстал перед приемной комиссией 7-й Сталинградской военно-авиационной школы. Врач после придирчивого осмотра поинтересовался у парня о болезнях и, узнав у доверчивого Алексея о судорогах ног, решительно заявил: «Дорога в небо тебе, дорогой юноша, закрыта...»

В это время вся страна следила за судьбой затертого арктическими льдами пархода «Челюскин», спасением экипажа которого занимались летчики. Они с риском для жизни садились на льдины и вывозили на материк полярников. Их подвиг стал причиной всеобщего воодушевления в сердцах молодых людей. И для Алексея имена первых в истории страны Героев Советского Союза — пилотов Каманина, Молокова, Водопьянова, Слепнева, Дорогина, а чуть позже и Валерия Чкалова — стали примером для подражания.

Вторая попытка Алексея поступить в Сталинградскую школу обернулась неудачей по той же причине. Как преодолеть злую волю? Он искал выход...

Новый призыв комсомола — отправиться на строительство города на Дальнем Востоке — крайне озадачил Маресьева. Откладывалось его намерение приобщиться к авиации, пусть не военной, но гражданской. Какой он строитель? У него даже возник конфликт в райкоме комсомола. Карташов приводит воспоминания своего героя: «Разгорячился я тогда, крепко разозлился. А у них разговор короткий: «Не поедешь? Клади на стол комсомольский билет». Ну, я и выложил. Мать у меня

¹ Николай Карташов. Маресьев. Серия «Жизнь замечательных людей». — М.: «Молодая гвардия», 2021.

МАРЕСЬЕВ

идейная была — плакала, когда узнала, при читала. Но все, к счастью, обошлось. И неизвестно, как бы сложилась моя жизнь, не отправься я все-таки на Дальний Восток... Когда перед отъездом на Дальний Восток я проходил медкомиссию, ко мне подошла участковый врач Михайлова и так по-матерински сказала: “Алеша, ты, конечно, можешь не ехать. Но знай: если ты одной ногой ступишь на ту землю, все твои болезни пройдут — и малярия, и ревматизм”. Я и подумал, что раз смогу выздороветь, то и летчиком стану...»

На строительстве города, будущего Комсомольска-на-Амуре, Маресьева определили в лесорубы. Валить деревья и обрубать сучья в тайге по колено в снегу — работенка не для слабых духом и телом. В этой трудности Алексей видел свои возможности. В строящемся городе был создан аэроклуб, куда Маресьев записался в числе первых. На удивление, без замечаний прошел медкомиссию. Права оказалась участковый врач Михайлова — город вылечил. После усидчивых занятий теорией начались полеты. Сначала с ин-

структором, который подбодрил: «Чувствуешь машину!»

Потом... Дотошный автор разыскал номер местной газеты «Сталинский Комсомольск» от 12 июня 1937 года, где обнаружил любопытные строки: «В праздничный день в небе над городом выполнили свои первые полеты учлеты аэроклуба Алексей Маресьев и Петр Шемендюк». По курсу пилота на самолете У-2 Алексей выполнил 85 полетов, породнился с небом, совершив прыжки с парашютом.

По всем признакам — ему путь в авиацию. Он и показал удостоверение об окончании аэроклуба призывной комиссии, когда пришла пора служить в армии. С ним согласились и направили в 12-й авиационный отряд, входивший в состав Сахалинского погранотряда. Однако до главного дело не дошло, документ аэроклуба — это не допуск к полетам в боевой авиации. Служба все же основательно подготовила Алексея, можно сказать, к обретению крыльев. Карташов пишет: «За короткий срок Маресьев овладел специальностью авиамоториста. Сдав необходимые экзамены, он вскоре уже обслуживал самолет многоцелевого назначения Р-5».

Желание самому взлететь становилось все нестерпимее. Он обратился к командиру части, но тот решил иначе: «Поступай в летную школу!» — и дал направление. Так Маресьев стал курсантом 30-й военной авиационной школы пилотов, и на том, казалось, завершился его этап преодоления, а душевное состояние сосредоточилось на учебе. Автор публикует акт выпускных испытаний курсанта Маресьева, в котором на отлично сданы моторы, воздушная стрельба, теория и техника полета, полетная практика. При этом подчеркивается: «Особо члены комиссии отметили умение молодого летчика мастерски выполнять фигуры пилотажа, качественно осуществлять взлет и скрупулезно совершать посадку».

Главное преодоление еще ждало офицера Маресьева. Младшего лейтенанта оставили в школе пилотов, хотя он мечтал оказаться в среде кадровых летчиков и летать на самых современных истребителях. Эта мечта все же осуществилась после первого выпуска молодых пилотов, но уже в тревожном фронтовом небе.

В жизни Маресьева наступил период, о котором художественным словом рассказал Борис Полевой и о котором поведали многие публикации и воспоминания. Мы обратимся к тем страницам книги Карташова, в которых взволнованное слово автора дополняется строгим языком документа.

На Северо-Западном фронте в составе 580-го истребительного авиационного полка наш герой совершил несколько боевых вылетов на «Як-1», сбил три «юнкерса», но в азарте последней схватки потерял бдительность и попал под прицел вражеского самолета. С пробитым мотором вынужден был совершить посадку на лес в Новгородской области. Когда это было? В одних документах значится 4 апреля 1942 года, в других — 5 апреля. На первый взгляд, какая разница? Но ведь издание — документальное. И Карташов перебрал несколько справочных и энциклопедических изданий, выявил именной список безвозвратных потерь авиационной группы и пришел к выводу: 5 апреля.

В заснеженном апрельском лесу началась 18-ти суточная эпопея летчика с травмированными ногами, всеми силами стремившегося выйти к своим. А тем временем командир полка и батальонный комиссар подписали представление о награждении Маресьева орденом Красного Знамени. В наградном листе, в частности, сказано: «Волевой командир, требовательный к себе и своим подчиненным...»

Волевой командир. Это были пророческие слова. Автор, опираясь на воспоминания самого Маресьева и участников его спасения, много страниц посвятил началу длительного преодоления летчиком всех трагедий его судьбы, воссоздал подлинную картину взлета человеческого духа.

«Что помогало ему идти навстречу жизни? Характер? Вне всякого сомнения. Он у Маресьева с детства — твердый, упорный. Воля? Безусловно. Без железной воли ему вряд ли бы удалось выдержать это, не укладывающееся в сердце испытание. Хорошо знавший Маресьева митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим припомнил свою беседу с ним по поводу веры: “Народ наш был не только с партбилетом в кармане, но и с тайной молитвой, вложенной в партбилет, — об этом я по прошествии 50 лет могу свидетельствовать, поскольку совершал таинства над многими стариками-генералами. В кругу моих знакомых было много замечательных людей. Вспоминаю знаменитого героя, летчика Маресьева. Он мне рассказывал в частной беседе, что им двигало, когда он полз по лесу, раненый, — патриотичность? воинский долг? Да и это. Но прежде всего вера в то, что он увидит свою мать, которая без него просто не выживет: он ее кормилец, он ее сын. А еще Маресьев все эти дни думал о своем спасении, какое-то внутреннее чувство ему подсказывало, что час этот наступит”».

Спасение пришло в образе деревенских жителей, отца и сына Вихровых и Сергея Малина, увидевших в лесу изможденного человека в форме в 12 километрах от фронта.

Верный документальной фактологичности изложения Карташов цитирует справку: «3 мая 1942 г. мл. лейтенант Маресьев А.П. поступил в ЭГ 4034, г. Москва, в тяжелом состоянии». Этот эвакуационный госпиталь находился в Бабушкином переулке, утверждает автор, а не в Сокольниках, как сообщалось во многих публикациях. В ситуации, которая казалась безнадежной из-за гангрены, спас летчика профессор Теребинский, ограничившись ампутацией обеих стоп.

Начался мучительный период реабилитации, раздумий, борьбы с отчаянием, заживления всех физических и душевных ресурсов, чтобы подняться над своей немощью. О том периоде Карташов приводит несколько свидетельств-воспоминаний. Примечателен рассказ юной медсестры Евдокии Коренковой: «Летчика Алексея Маресьева привезли в госпиталь под вечер, ранней весной 1942 года (на самом деле, в мае. — *Н.К.*). Это теперь все про него знают — народный герой! А тогда — просто несчастный 22-летний летчик (на самом деле, 26-летний. — *Н.К.*),

самолет которого сбросили фашисты. За те несколько недель, пока чудом спасшийся Алексей добирался до своих, он сильно обморозил ноги, началась гангрена... Я выхаживала Алексея сразу после операции, кормила с ложечки, утешала, когда у него началась обычная для таких больных депрессия. Алексей все время твердил, что обязательно будет летать, вернется в авиацию. Конечно, мы успокаивали мальчишку как могли, но словам его тогда не верили... И он — вот настырный — своего добился!»

Но какой ценой? Об этом Николай Карташов повествует, опять же опираясь на воспоминания и документы. После госпиталя Маресьева направили в дом отдыха, где он научился танцевать на протезах. Когда к поправляющим здоровье войнам прибыла комиссия Центрального авиационного госпиталя ВВС, офицер обратился к начальнику, полковнику медицинской службы Василию Миролюбову, с просьбой разрешить летать на боевых самолетах. При этом пояснил, что у него искусственные ноги, но уже хорошо владеет протезами. Маресьев для убедительности пригласил членов комиссии на вечер, где он будет танцевать. Позже вспоминал: «Они здесь меня увидели. Говорят: “Считайте, все наши голоса за вами. Приедете в госпиталь, хирург посмотрит, скажет свое веское слово, если будет ничего, то пройдете”».

Но «пропуск в небо», прямо скажем, вытребовать оказалось намного сложнее. Карташов ведет нас из кабинета в кабинет, от комиссии к комиссии, и везде Маресьев слышит: «Летчик должен быть здоровым, а не инвалидом». Поддержал генерал Орехов, но, как пишет автор, «дальше — новые кабинеты, встречи с теми, от кого зависела его судьба, лаконичные резолюции на рапортах». В штабе ВВС Московского военного округа летчика принял заместитель командующего по военно-учебным заведениям полковник Белоконов. Произошел разговор, о чем полковник вспоминал: «В том, как Маресьев настойчиво просил командование допустить его к полетам, чувствовалась сила воли, мужество и готовность идти на все, лишь бы летать, идти на фронт и бить врага...» Белоконов поддержал Маресьева в стремлении вернуться в небо. Алексею выдали предписание проходить службу в 3-й авиационной школе первоначального обучения, чтобы «проверить в воздухе возможность летать без обеих ног».

Предоставим читателю узнать, как впоследствии офицер преодолевал себя, свой физический недостаток и предубеждения товарищей и доказал способность воевать и поражать вражеских стервятников. Об этом нам поведают журнал боевых действий 3-й гвардейской авиационной дивизии, воспоминания командира эскадрильи капитана Числова, летчика Петрова и командующего ВВС Красной Армии Новикова, Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Маресьеву звания Героя Советского Союза и другие документы.

Ту же скрупулезную фактографичность сохраняет Николай Карташов в изложении последующей жизни прославленного летчика, который после войны не обрел себя на шадящий режим, а вновь и вновь совершал поступки *настоящего человека*. Он стал начальником авиационной подготовки в 1-й Московской специальной школе ВВС, поступил в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. «Я чувствую большую необходимость в повышении своего идейно-теоретического и общеобразовательного уровня», — написал в заявлении. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, издал монографию «На Курской дуге», заинтересованно участвовал в международных конгрессах и совещаниях сторонников мира. Одна из замечательных страниц биографии Маресьева — работа в Советском комитете ветеранов войны.

Символическим в нашей памяти остается эпизод 1967 года: при открытии мемориала у Кремлевской стены — Могилы Неизвестного Солдата — глава государства Леонид Брежнев зажжет Вечный огонь именно от факела Маресьева.

В советское время на истории этого подвига были воспитаны тысячи молодых людей. Его пример вернул надежду множеству соотечественников, оказавшихся по разным причинам в сложных жизненных ситуациях.

К сожалению, в настоящее время имя Маресьева полузабыто в среде молодежи. «Повесть о настоящем человеке» исключена из школьной программы, рекомендована лишь для самостоятельного прочтения. А мы знаем, как трудно оторвать юного гражданина от планшета для того, чтобы он раскрыл книгу. Потому подрастающее поколение не знает и не осознает всю правду о Великой Победе. Карташов об этом говорит прямо.

Если каждый молодой человек вдумчиво прочитает повествование о несгибаемом мужестве и силе духа своего ровесника-патриота в годы Великой Отечественной войны, он поймет, почему мы выстояли и как одолели коварного и сильного врага.

